

О Л Ь Г А П О Р О Ш Е Н К О

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ
ТРАГЕДИЯ
ОДИНОЧЕСТВА

Ольга Юрьевна Порошенко

Оптимистическая трагедия одиночества

Серия «Тела мысли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11965067

*Оптимистическая трагедия одиночества/Порошенко О. Ю.: Алтейя;
Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9906155-7-1*

Аннотация

Одиночество относится к числу проблем всегда актуальных, привлекающих не только внимание ученых и мыслителей, но и самый широкий круг людей. В монографии совершена попытка с помощью философского анализа переосмыслить проблему одиночества в терминах эстетики и онтологии. Философия одиночества – это по сути своей классическая философия свободного и ответственного индивида, стремящегося знать себя и не перекладывать вину за происходящее с ним на других людей, общество и бога. Философия одиночества призвана раскрыть драматическую сущность человеческого бытия, демонстрируя разные формы «индивидуальной» драматургии: способы осознания и разрешения противоречия между внешним и внутренним, «своим» и «другим». Представленную в настоящем

исследовании концепцию одиночества можно определить как философско-антропологическую. Книга адресована не только специалистам в области философии, психологии и культурологии, но и всем мыслящим читателям, интересующимся «загадками» внутреннего мира и субъективности человека. В оформлении книги использованы рисунки Арины Снурницыной.

Содержание

Введение	5
Глава I	25
Философско – эстетический подход к интерпретации социальной реальности	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Порошенко

Оптимистическая трагедия одиночества

Введение

Кто я?

Посвящается моим друзьям

*Все вы, дорогие мои, попали в трагедию.
Потому что в этой книге – трагедия.
Но там, снаружи, в жизни, вам придется
потяжелее.*

*Там властвует комедия... А в комедии больно.
Милорад Павич «Уникальный роман»*

Если не вдаваться в глубины научной интерпретации понятий, то такие слова, как «самость», «субъективность», «внутренний мир» выглядят тождественными, по крайней мере, они обозначают нечто такое, что находится внутри человека, внутри его закрытого для посторонних глаз интимного духовного мира. Это закрытое для других пространство является самым важным и хрупким «существом» для любого человека. Важным потому, что именно с ним мы прово-

дим всю свою жизнь. С кем, как не с самими собой, мы чаще всего разговариваем, грустим, радуемся, даже поем в душе? Нам хорошо вместе с «I» and «Myself»! Значительно реже мы общаемся с другими людьми даже в трудовом процессе, называемом «духовное производство», пытаемся максимально выразить именно его – свой внутренний мир. В идеале нам бы хотелось, чтобы весь внешний мир был укутан нашим собственным «покрывалом». Тогда сбылись бы все великие мечты – от «сверхчеловека» до «идеального государства». Такова значимость «Я» для нормального западного человека, привыкшего к индивидуализму, «вере в себя» или, в крайнем случае, в «Сына Человеческого», и готового за «свое» или «своих» и горы свернуть, и веру сменить, и жизнь отдать.

Все бы с нами было хорошо и даже «гармонично», как в «макрокосме», если бы не хрупкость этого внутреннего мира. Какие страшные трагедии мы переживаем, сталкиваясь в мелких душевных конфликтах, возникающих из-за «недопонимания», «неразделенности», «неуважения», не говоря уже о таких глобальных жизненных драмах, как «непонятость», «одиночество», «самоуничужение». «Быть или не быть?» – вот в чем вопрос рационально мыслящего западного «Я». Ответ один – быть. И не просто быть, а *бытийствовать*, т. е. действовать, творить, не стоять на месте. Одним словом, быть Субъектом. Это звучит гордо (правда, грешно)! С каждым веком бегать приходится все быстрее, суетиться боль-

ше, мыслить меньше – футурологический прогноз – «шок». Шок не только от будущего, но и от настоящего. Куда деваться несчастной человеческой особи, в какую щель бытия забиться? На какой остров убежать, чтобы встретить беззаботного Пятницу? Со всех сторон глобализация, миру как системе человек уже не нужен: он «наблюдатель», ни в чем не участвует, ни за что не отвечает. Системы стали самоорганизующимися, самовоспроизводящимися, все делают сами или, в крайних случаях, вдвоем с «искусственным интеллектом». Куда податься бедному homo sapiens? В бессознательном мы уже были. Все свои комплексы от «Эдипова» до «Красной шапочки» знаем, смирились, скоро уже целый век как не живем, а сублимируем. Заняться бы искусством, да не можем. Искусства больше нет. Осталось только «пять слов в неоновом свете». И попал западный человек – а это мы с вами – в неразрешимое противоречие: и творить хочется, так как все же субъекты мы, а не «твари дрожащие», и не можем – постмодернисты запрещают. Один выход – раз внешний «мир изменять» нельзя, нужно от него «отречься как от старого» и обратить свой взор (или интенциональность, если сможете) внутрь себя. «Онтологический поворот» – вот наш «ответ Чемберлену»!

Итак, что мы в этой «дыре бытия» видим? Спасибо либеральной демократии – что хотим, то и видим. Кто «отражение бытия», кто «экзистенцию», кто «страхи», кто вообще «ничто». С одной стороны, разнообразие огромное, на

любой вкус и цвет, с другой – конкуренция. Что поделаешь – закон рынка, без него не можем, «тип рациональности» у нас такой. Лидеры долго в «топе» не задерживаются – за один только XX век сменилось много: были марксисты с неомарксистами, фрейдисты с лакановцами, феноменологи с экзистенциалистами, персоналисты с конструктивистами – всех и не упомнишь. За что боролись? Наверное, за истину. Хотя нет! Истины-то тоже нет! Молодцы постмодернисты! Кислород всем перекрыли. Экологическая катастрофа! «Что делать»? Наконец-то этот вопрос стал интересовать не только «отдельно взятое государство», но и целую западную цивилизацию. И она на этом вопросе «зациклилась». Куда идем? К чему стремимся? Какие у нас Высшие ценности? «Что такое хорошо и что такое плохо»? Одни вопросы, а ответов нет. Почему? А не надо было внутри себя «Ничто» искать, нужно было хоть какое-то «Нечто» разглядеть! Поэтому, свергаем устаревший вопрос «Что делать?» и возводим на пьедестал – «Кто я?». «Кто я?» звучит мужественно, самоотверженно, по-геройски («тьфу на вас», постмодернисты!). Если бы нашелся ответ на этот вопрос, то опять бы наступил «Ренессанс» или вообще сама «Древняя Греция», а пока мы в эпохе без названия. И Модерн уже был, и Постмодерн миновал... Нет у нас идентичности, «дивиды» мы одним словом, фланеры. Без мамки и без папки, ни «царя в голове», ни «фиги в кармане». Нет ни идей, ни убеждений, ни принципов – социальная и моральная апатия, дезертирство.

Все что хотите, но без меня, я – в виртуальной реальности. Здесь мне комфортно, «прикольно» и анонимно. Что хочу, то и ворочу. За любые преступления никаких наказаний. Это моя «щель бытия», моя изнанка! Хочешь ко мне? Придумай себе «ник» и давай «початимся» (на большее не рассчитывай). Вот такие мы «симулякры» о двух ногах, коммуникаторы. «Последний довод королей» – «культура – это коммуникация», а мы, значит, означающие и означаемые в «одном флаконе», такие «communication tubes». Вот кто я! Я – голосовой модем. Я могу разговаривать, а говорит мной само Бытие! А если я начну «барахлить»? Познать Dasein будет невозможно? *Одна* тайна не станет явью или тайна *всего* Сущего? Если всего целиком, тогда это очень ответственно – я хранитель «королевской печати» Бытия. Значит спрос с меня, как с пэра Англии, оступаться нельзя, иначе в «Тауэр» и «финита ля комедия» на плохо отапливаемой провинциальной птицеферме.

Допустим, наше «Я», действительно, «просвет», транслятор, медиум. Через нас как ток по проводам бежит энергия бытия. Этот абсолютно уникальный онтологический экстаз «моей» встречи с бытием и дальнейшая объективация «информации в СМИ» называется «онтологическим поворотом» XX века! Именно поэтому каждый из нас имеет свое личное право на истину. Дураков нет, все умные. Каждый «дудит в свою дуду», самовыражается, как может, меняет имиджи, не признает авторитеты. Все мы – равные участни-

ки рыночных отношений, товарищи по партии «Единое Бытие».

Занимаясь процессом увеличения темпов добычи истины, нам некогда оглянуться по сторонам, тем более, присмотреться к методу соседей. А вдруг их способ эффективнее? Например, индусы. Народ этот, безусловно, «темный», так как испокон веков мечтал о «просветлении». Но некоторым особенно дотошным индусам удалось-таки достаточно глубоко проникнуть в онтологию и метафизику Атмана. На всю оставшуюся жизнь Запад должен запомнить имена индусских «стахановцев» – Арада Калама, Поттхапад и Саччака. Сумрачные для кумиров времена прошли! У нас есть на кого равняться и чьи профили отливать в бронзе! Теперь можно попробовать разобраться в сути индусского способа поклонения. У нас, западных людей, по сравнению с индусами плохо с воображением. Предел наших фантазий (или научных теорий, кому как угодно) – это запредельное. Конечное – бесконечное, познаваемое – непознаваемое, имманентное – трансцендентное, профанное – священное, выразимое – невыразимое и т.д. и т. п. Благодаря «протестантской этики» или вопреки, но рациональный Запад «приплыл» к своей последней гавани, которую назвал «Dasein», и все. В бытии просверлили дырку, и корабль дал течь. И что странно, чем больше бытия втекает, тем быстрее тонет корабль. Может быть, эту дырку заткнуть? Напомню – отключить голосовой модем? Снять человека с «пупа Земли»? Пусть от-

дохнет, почувствует себя пылинкой, песчинкой, букашкой – чем-то чуть менее значительным, чем «сверхчеловек», «царь природы» или Субъект. Индусы, как и китайцы, это поняли давно, за что со стороны природы им огромное спасибо. Как результат – плодятся и размножаются, потому что никому в этом мироздании не мешают и любую корову выше человека ценят.

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Запад должен покопаться в недрах «родных» культур и найти «свой» ответ, понять ситуацию, а значит распознать знакомое. Вперед в прошлое! Да здравствует православный исихазм и мусульманский суфизм! Да здравствует соборная личность и Иисусова молитва! Это наша западная метафизика. Конечно, в отдельно взятых районах Запада «Бог умер», но, как это обычно бывает, чем больше времени проходит после похорон, тем быстрее забывается плохое, остается только светлое и доброе, что было связано с покойным. Так же и Запад, пройдя сквозь времена нигилизма, коммунизма и рыночного капитализма, стал ностальгировать по иррациональному, трансцендентному, эмоциональному миру религиозной культуры. 11 сентября 2001 года Запад вспомнил о религиозной идентичности.

Кто я? Я – человек верующий и совершенно без разницы в кого – в богов, в коммунизм или в себя. Вера дается человеку только один раз и надо прожить с ней так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Все это для того, чтобы выйти за пределы мысли, выстрадать истину и развить свою индивидуальную душу до высот универсального. Как скучно быть «конечным», как хочется стать «бесконечным». Полюбим истину выше причин и следствий, и она сделает нас свободными! Долой «просвещенный разум», да здравствует «неразумная вера»! Что нам терять, кроме оков своих мыслей? Рискнем. Вдруг у нас что-нибудь есть еще? Например, «самость», как у индусов.

Сидит внутри нас «Некто», как Елена Прекрасная в плену у Кощея, и поговорить не с кем и вылезти не может – рациональные пути мешают (не надо путать с «джином из бутылки» капитана Фрейда). «Некто» – это, во-первых, онтологическое основание «моей» индивидуальности, «место встречи» с бытием, которое изменить нельзя; во-вторых, – метафизика присутствия универсального, внесущего/божественного, «точка сборки», мастерская по ремонту «моей» субъективности.

Если попытаться освободить свой ум от цепей прагматизма, то станет ясно, что социологическая проблема самоидентификации оборачивается более фундаментальной проблемой – проблемой самообоснования «моего» «Я», а значит, проблемой моей личной антроподицеи. Кто «он» такой, пусть думает «он» сам. Мне никогда не понять «кто» он/она, если я не пойму «кто» я. Когда мы заглядываем в недра своего «Я», то сфокусировать и удержать взгляд бывает очень трудно. Хочется побыстрее «переключиться», например, на

личную жизнь соседей или на политику соседнего самостоятельного государства. Вариантов огромное количество, несмотря на то, что достаточно часто мы слышим в свой адрес: «на себя-то посмотри», «а ты кто такой?», «что ты собой представляешь – «ноль без палочки». Пора обидеться и найти достойный ответ. Давайте фантазировать, вдруг научная концепция получится?

Наш внутренний мир очень большой, он больше мира внешнего, так как весь внешний мир, или то, что под ним разумеется, мы «охватываем», можем почувствовать: увидеть, потрогать, понюхать и т. д. Это «чужой» для нас мир – мы в нем гости, заходим пообщаться. Сначала ведем себя настороженно, как с любым незнакомцем, постепенно превращаясь либо в друзей, либо во врагов, это уж у кого как сложится. Самые близкие друзья внешнего мира – деятели науки; они все про него знают, «по плечу хлопают», на Луну летают, стволовые клетки пинцетом щупают. Спорить с ними себе дороже. Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Где бы мы ни были, что бы ни делали, рано или поздно возвращаемся в свой дом, *к себе* (за исключением Хайдеггера, он «застрял» в гостях, все говорит и говорит...). Наш «свой» родной (родовой) внутренний мир огромен, бесконечен по сравнению с конечным бытием отдельной человеческой жизни. Почему он такой огромный, кто или что его создало, мы никогда не узнаем, «подобное *не* познается подобным», поэтому описать его как микроба под микроско-

пом мы не сможем, здесь нужна иная методология – методология «внутреннего наблюдателя». Человечество изобрело несколько подобных способов – это, в частности, медитация, интуиция или техники «расширения сознания». Но для нас – представителей западной культуры приспособиться к ним очень трудно. Далеко не каждый европеец захочет в дорожных пробках впасть в транс от слога «Ом» или завтракать таблетками LSD. Нам нужно нечто рациональное и технологичное. Мы привыкли жить по «идее», образцу и модели. Мы дети патерналистской культуры. Дайте нам теорию, мы будем по ней жить! Поэтому западный «внутренний наблюдатель» – это трезвомыслящее рефлексивное «Я» – субъект нашей субъективности, объектом для которого является не «внешний», а «внутренний» мир и все, что в нем представлено: Бытие, Бог, Космос, Брахман т. д. и т. п. Внешний мир – это объективация мира внутреннего. Для внешнего мира принцип рефлексии заменен на принцип интерпретации. И сегодня с этим не будет спорить ни один здравомыслящий представитель «университетской публики». Объективаций внутреннего мира человека огромное количество, подобно множественным модусам Атмана. «Объективизированные» модусы внутреннего мира человека представлены во всех сферах человеческой деятельности: науке, культуре, искусстве и пр.

Сознание, разум, инстинкты, экзистенциальные чувства – это только составные части, «пучки и линии» нашей субъек-

тивности, внутреннего мира. Субъективность человека – это способность познавать «свой» мир. И почему ругают солипсистов, ведь «мир есть комплекс *моих* ощущений», не соседки же тети Даши? А это означает, что подобно «тождеству бытия и мышления» или «преднахождению Dasein в мире», в объектах субъективности – Боге, Космосе, Брахмане и пр. есть основания не только для их познания, но и для существования самой человеческой субъективности и даже моей личной. Познать Бога, Космос и Брахман человек может только в рамках *своей* субъективности, которая *предзадана* ему и онтологически, и метафизически. Познание внешнего мира вторично (пусть не обижаются господа ученые), об этом говорили и древние («познание самого себя» Сократа), и средние («внутренний человек» Августина), и недавние («жизненный мир» Гуссерля и «герменевтический круг» Дильтея). Только в том случае, когда онтология не превращается в учение о тотально замкнутом бытии сущего, можно ставить вопрос: «в чем смысл бытия-Dasein?». Человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится и это «начало» лежит глубже его «онтологии».

Как только человека ни называли – и «животным», и «канатом», и «моделью», и «неспециализированным существом», а он до сих пор так и не знает какого «роду племени». Предложим и мы свой вариант: человек – это «воронка». Та часть, что пошире – внутри, поуже – снаружи. Воля человека – механизм, который создает вектор движения: из

нутра наружу (из сакрального в профаное, например). Пропуская через себя мироздание, каждый из нас выдает свой «фирменный продукт» – собственную личность. Получается, что «Я» делает себя само, без помощи посторонних «Я». Поэтому и ответственность у меня, в первую очередь, перед самим собой, а потом уже перед родителями, родиной и законом. Звучит эгоистически? Скорее, эгологически! Можно посмотреть на ситуации с точки зрения диалектики – если я ответственен перед собой, значит, я свободен по отношению *per se*. к родителям, родине и закону. Чем большее бремя ответственности за себя «Я» берет на себя же, тем большую социальную свободу приобретает. Мы не рабы, рабы не мы!

Свободный человек всегда выглядит эстетично. Он мужествен и энергичен, красив и харизматичен. Он всегда в окружении друзей и поклонников, ведь всем известно, как велика тяга людей к прекрасному. Для полного великолепия, а значит, и для предотвращения конфликтов с внешним миром, свободному герою остается лишь приоткрыть завесу над трагическими коллизиями своего внутреннего мира. Вся борьба – муки выбора и страсти любви находятся там. Там он сражается с «демонами» своей души, падает ниц пред божественной любовью, переживает экзистенциальные чувства отчаяния и вины. Все внутри, лишь легкий «флер» этих бурь и трагедий может донестись до «внешнего наблюдателя» и от этого «аромата» полнота эстетической картины «героя нашего времени» дополняется этической составляющей.

Красота и Добро едины!

Необходимо заметить, что высот современного романтизма можно достичь только в случае наполнения своего внутреннего мира трагическим содержанием. Это не так легко, как может показаться на первый взгляд. Значительно чаще мы принимаем за истинную трагедию свои «внутренние стенания», окрашенные ярко выраженным мелодраматическим эффектом, которые и «продвигаем» на рынке любителей «мыльных опер». Подобные попытки достигают успеха лишь на отрезке «выкуренной сигареты» или, при более удачно сложившихся обстоятельствах, распитого «священного сосуда». Отрезок времени, равный длительности нашего сочувствия, – это и есть время мелодраматического импульса. Но обеденный перерыв кончился и нам пора в офис или домой к очередному сериалу/ голодному мужу. Мелодраматический импульс – это наши слезы при просмотре майского парада ветеранов на Красной площади, наши улыбки при встрече с румяным карапузом, протягивающим игрушку, наши патриотические чувства при звучании гимна страны перед началом финального матча сборной по хоккею. Мелодрама – это наш стиль общения с окружающими. Трагедия – это наш стиль общения с собой.

«Абсурдность бытия» навсегда оставила нас наедине со своими «ожиданиями», «представлениями» и «желаниями». Замкнутый антропологический универсум – это тот круг тотальности, который, как экскаватор ковшом, «выгреб» все

человеческое из мироздания. Этот «ком», состоящий из миллиардов сочетаний событий, чувств, опытов и «практик» представляет собой аутентичное ядро нашей индивидуальности, «вещь-в-себе» субъективности, самость человека. Получается, что если убрать антропологическое из мира, в нем образуется пустота, дыра в мироздании. Может быть, «черные дыры» в космосе – это исчезнувшие антропологические универсумы? Разве не об этом говорит «антропный принцип»? Космос – это сыр, но возникает вопрос: какого он сорта и вида? Проще говоря, много в нем дырок или всего одна? Отказываясь от антропоцентризма, нужно помнить, что человек все-таки обладает субъективностью и как следствие – является субъектом. Онтологическое свойство субъективности позволяет человеку как субъекту «собирать», «субъективировать» все то, что захвачено его «ковшом».

«Я сам» – звучит не только героически, но и одиноко. Человек один изначально и окончательно. Я один – это аксиома, причем с большей степенью достоверности, чем «я мыслю». Когда до человека наконец-то «доходит» этот очевидный факт, он ощущает его даже физически. В районе солнечного сплетения у человека образуется «дыра» (или ощущение дыры). Замечали? А что происходит с человеком, когда он думает? Интроспекция – глаза стекленеют и затылок чешется. Но глаза могут стекленеть и при отсутствии каких-либо мыслей! Одиночество – онтологическое состояние, кото-

рое «захватывает» человека целиком и полностью: рационально, эмоционально, социально, экзистенциально и физически. Именно в этот «момент истины» мы осознаем и переживаем свою самость, свое окончательное и последнее «Я». Подобное случается не с каждым. Некоторые так и остаются детьми, до конца своих дней надеясь достичь экстаза взаиморастворения в социальном мире, как ложка сахара в горячем чае. А в результате получается ложка дегтя или меда, что сути дела не меняет. Отсюда разочарования, обиды, скандалы. «Ты меня уважаешь»? Проблема двоякая: с одной стороны, мы хотим «дотянуться» до Другого с целью понять или господствовать, с другой – быть понятыми или «поглощенными». Что, в сущности, дают человеку «диалоги Я-Ты», «события встречи», «акты коммуникации» как не постоянный поиск самого себя, даже сквозь призму любви к Другому/ближнему? Одиночество – это «забота» о самом себе. Говорят, даже самоубийцы, выпрыгнувшие с десятого этажа, инстинктивно пытаются зацепиться за ветки, пролетая мимо раскатистого дерева. Воля к жизни!

Вас приветствует совершенно новый Робинзон! Он не хочет властвовать над природой и быть царем «Пятниц» (вариант Дефо) или расставаться с рациональной цензурой сознания, выпуская «либидо» погреться на солнышке (вариант Турнье). Наш Робинзон является аутентичным субъектом, осознающим свою уникальность и распознающим себя и «свое» всегда и везде: космосе, культуре, социуме, бо-

ге, другом человеке. Ему абсолютно все равно – что возвращаться в «цивилизацию», что навечно оставаться в дикой природе. Его «Я» всегда «сверх», «над», «мета» и пр. Осознав и приняв свое одиночество, мы становимся свободными. Только пройдя этот путь, можно позволить себе «вернуться» к другим «Я», в социум, ведь теперь мы не будем требовать от ближнего того, чего он никогда не смог бы отдать – своего «Я». Мораль сей басни такова: нужно уважать и принимать «Другого» *другим* и тогда придет осознание и переживание единства – мы оба одиноки. Знать, что ты не один в своем одиночестве, что может быть оптимистичнее?

Преодолев в себе «любовь к ближнему», желание обладать и быть обладаемым, человек обращается к другому «Я» с целью построить общение на сущностном онтологическом уровне. Поиск «своего» человека (попросту друга) определяется тем знанием, которое получено в результате метафизического познания трансцендентного «моей» субъективности. В Другом мы ищем лики «своего» Бога, те «знаки», которые может распознать только мое собственное «Я». Это онтологическое общение позволяет «вынести за скобки» психологические и социальные черты другой личности. Индивидуальное своеобразие не позволит образовать единство. Особенное не станет всеобщим.

Язык онтологического общения – язык универсалий. Дружеское общение – общение в рамках «высоко контекстной» культуры, как у китайцев. За каждым понятием скрывают-

ся множество смыслов, которые неуловимы для внешнего наблюдателя, но «узнаваемы» друзьями. Дружба – это игра посвященных: розенкрейцеров и тамплиеров – членов герменевтического кружка. Вспомните, как хорошо и понятно молчать с близким человеком! Язык дружбы – язык синкретический. Филологи считают, что в русском языке очень много синкретических образований, наверное, именно поэтому русские слово «дружба» понимают особо!

Перевод языка метафизики в формы дискурсивных практик – одна из «вечных» проблем западной культуры. Еще со времен «шелкового пути» мы начали возить порох, компас, «реинкарнацию» и пр. Этот путь длится веками, принося в рациональную западную жизнь все новые диковинки: тамагочи, нунчаки и йогу. К сожалению, приживается все это очень плохо, не сравнить, например, с бейсбольной битой, которая стала незаменимым инструментом в борьбе российских таксистов за «свои права» (опять же нельзя не признать великие достижения Америки в процессах глобализации). Восточная метафизика для запада непроницаема. Попытки поиска «общего» языка были предприняты не единожды. Всю «эзотерическую» линию европейской философии от Платона до Хайдеггера можно назвать «техникой перевода» восточной метафизики на язык европейской науки. Например, до сих пор в ходу «а-ля» хайдеггерианские языковые кентавры: «получеловек полулошадь» – это «со-бытие-вот-присутствия-в-себе-лошадности-для-эк-

зистенции-dasein (человека)». Или «онтология встречи» – это «здесь – вот – тут – сейчас – для – меня – тебя – нас- него – нее – них- этой – той- того – тех-при-сутствие». Вот так мы – европейцы, через «тык-мык» и понимаем метафизику Востока!

Отношение Запада к метафизическим проблемам специфическое. Попросту говоря, изначально и окончательно рациональное. Даже такое явление как смерть, мы воспринимаем «концептуально». Вроде бы смерть – это предел/граница бытия человека, который помыслить, «пережить», выстрадать он не может, но нет, и здесь пытливый западный ум не хочет уступать своих позиций. Придумали концепцию «пограничных ситуаций», в которых человек должен *осознавать* факт конечности своего существования. Вообще тема смерти является одной из самых любимых и модных в западной гуманистической мысли последних ста лет. В академической философии XX века она с завидным постоянством выражается в серии последовательных убийств.

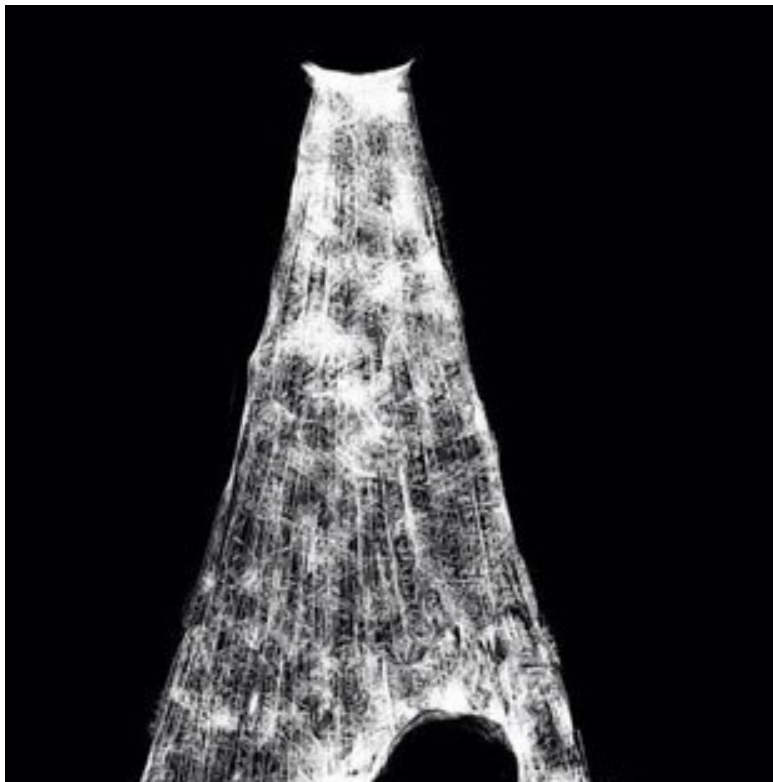
Как и подобает «просвещенному разуму», каждое убийство тщательно продумано и занимает свое достойное место в логике последовательных смертей. Сначала «убили» Бога. Затем, наглотавшись вволю волюнтаризма, «убив» гениев и революционеров, «замочили» Субъекта. После того как «рефлексивного Я» не стало, «упокоили душу» и самой философии. «Все спасибо, все свободны!» Кто следующий? Агаты и Артура уже нет, а Дарья и Борис, к сожалению, не являются

специалистами в цивилизационных убийствах. Остается по-
ложиться на собственную дедукцию. Вам ничего не напоми-
нает данная танатологическая последовательность: «смерть
человека/тела» (ощущений) – «смерть субъекта» (разума) –
«смерть философии» (самосознания) – «смерть бога» (ре-
лигии) – «смерть Я» (духа)? Именно так! «Ай да Гегель, ай
да сукин сын»! Принял удар на себя! Не зря его называют
«последним истинным философом». Итак, мы знаем жерт-
ву, кто убийца? Убийца тоже известен – это «аноним», «фла-
нер», «симулякр», «дивид» – одним словом, постмодернист!
Холодный рациональный убийца методически уничтожает
все звенья феноменологической системы великого модерни-
ста. Каковы мотивы? Одна из версий – «деконструкция».
Ломать не строить! Разрушая прошлые принципы и уничто-
жая былых кумиров, легче воздвигать собственный памят-
ник. Другая – эзотерическая «ирония». Информация для по-
священных: *как бы* для смеха разрушим все классическое, а
на самом деле еще раз повторим объективные законы бытия.
Чем мы хуже? Но это тайна, о которой никому не скажем.
В подтверждение данной дедуктивной линии хочется заме-
тить, что в настоящее время мы с вами живем в эру субъек-
тивности и не равен час, как будет объявлена и ее смерть,
т. е. «смерть самости». Может быть, попытаемся предотвра-
тить преступление? Устроим засаду и будем «ловить на жив-
ца»? Встанем всем миром на защиту последнего, что у нас
осталось – нашего «внутреннего мира»?

И что все это значит? Зачем, о чем и для кого? Существует небольшая группа «эстетов», которым «хочется внутренней гармонии», устали они от «духless», прагматизма, формализма, «консюмеризма», «гламурности» и т. д., и т. п. Подобно «черным» археологам, они ведут самостоятельные нелегитимные поиски своего «Я», заходя попеременно то в храмы Науки и Церкви, то в «Сады Эпикура». Каково их будущее? Быть «брошенными» в бытии – к этому-то они уже приспособились, – или выброшенными с «праздника жизни» современного общества? Стать маргиналами? Забыть про творчество, «ум, честь и совесть»? В век информационных технологий и средств массовых коммуникаций молчать нельзя. Поэтому все громче слышны призывы к «восстанию элит», но давайте не забывать, что в классическом варианте элита была не глобализационная, а духовная! Наш западный «Универсальный дух» точно такой же, как и у индусов. Значит, он один на всех. Поэтому дело Востока показывать его, а Запада – описывать, каждому – свое. И будет «мир во всем мире», толерантность и гомогенность!

Глава I

Трагическая и мелодраматическая формы человеческого бытия и культуры

Философско – эстетический подход к интерпретации социальной реальности

дуалистичность современной культуры – философия как искусство и искусство как философствование – драматический характер культуры – плюралистичность природы драматического – драматическая природа свободы человека

С момента выхода в 1980 году книги Ихаба Хасана «Прометеев огонь: Воображение, наука и изменения в культуре» тема плодотворности синтеза художественного и научного познания прочно вошла в философский дискурс. Социальная реальность все чаще описывается языком эстетики и современные исследователи культуры используют понятия *текст, ирония, театральность, игра, пастиш* и пр. Здесь уместно вспомнить, что «теория» и «театр» являются однокоренными словами и эстетическое гармонично представляет сферу пластической выраженности смысла, поскольку вечная идея (смысл, эйдос, ум) и неуничтожимая материя (условие любой воплощенности) – два полюса античного мира, а трагедия – поле свершения, на котором соединяется несоединимое¹.

¹ Григорьев А. Бытие на грани. К вопросу о лейтмотиве трагедии в творчестве

Сегодня исследователь должен выбрать для себя свое определение культуры или ее основополагающий принцип, в контексте которого и строится логика его исследования. С нашей точки зрения, культура организована как система дуальных оппозиций. Дуальность культуры создает основу для порождения новых элементов культуры – новые смыслы, решения. Она есть одно из определений культуры. Соглашаясь с А.С Ахиезером², необходимо отметить, что сегодня налицо потеря в теориях постмодерна осознания значимости дуальных оппозиций – это есть результат определенной формы философствования, отказавшегося от попытки объяснения механизма смыслообразования. Особенность современной культуры в ее *драматичности*, в природе которой скрываются дуальность и противоречие. Драматичность представляет собой не только черту культуры и социального бытия, но является имманентно-антропологической субстанцией, лежащей в основе человеческого существования. Двумя формами социальной реальности в рамках драматического являются *трагическое* и *мелодраматическое*, о которых можно говорить как о категориях социальной теории, содержание которых может существовать сначала в формах, способах деятельности (в виде импульсов), затем приобретает всеобщее значение для определенного типа культуры (в виде трагиче-

М. Хайдеггера / Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2007, 384 с. (Серия «Мир культуры»), С. 223.

² Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. – 1998, № 2, С. 5.

ского и мелодраматического), а потом происходит отделение этих форм от самой деятельности и признание их «самостоятельного» существования в сфере идеального (как формы социальной реальности). Трагическое и мелодраматическое как две формы социальной реальности представляют собой оппозиции, присущие драматическому типу культуры, определяющим критерием и сущностным отношением которой является противоречие. Противоречие как ключевое понятие драматической культуры является основным принципом рассмотрения экзистенциальных проблем личности.

Появление новых категорий в связи с возникновением новых философских учений отчетливо просматривается в философии XX века. Так, «философия пессимизма» делает экзистенциальными формами такие понятия, как «страх», «заброшенность», «пограничная ситуация» и т. д. В философии драматическое рассматривалось либо в рамках эстетики: трагическое, комическое, театр и т. д., либо в рамках философии трагедии: работы Ф. Ницше, Вяч. Иванова, Л. Шестова, о. С. Булгакова и др. Чаще всего драма определялась как форма искусства и ее взаимоотношения с действительностью складывались в рамках взаимоотношения искусства и общества. Сегодня драма стремится расширяться до возможности быть жизнью. Это понимание является следствием, в первую очередь, взаимоотношений искусства и философии. С ростом популярности феноменологии, которая абсолютизирует непосредственно данную ступень по-

знания как переживание, современная философия начинает рассматриваться как искусство, провозглашая чувственное, непосредственное и очевидное постижение истины. В данном случае не имеется в виду то, что философия абсолютно тождественна искусству, что согласно точкам зрения Кьеркегора, Ницше, Адорно, Мерло-Понти и многих других, в научном, логическом познании усматривается как нечто отрицательное, сковывающее человеческое мышление. Философия как искусство призвана преодолеть слишком одностороннее представление о бытии и дополнить понимание иррациональным постижением. Рассматривая бытие феноменологическим методом, то есть как изучение сущностей, современная философия несет в себе сущность искусства так же, как и драма, а будучи формой социальной реальности, содержит в себе сущность искусства. Таким образом, возможна попытка прямого описания нашего опыта, понимаемого как социальная действительность. Это один из тех путей, который дает уверенность, что сущность человека никогда не была оторвана от сущности мира, один из тех способов нахождения объективной связи между действительностью и идеей, между существованием и ценностью, примирение, осуществляемое как созерцательно, так и художественно. Возведенная в искусство истина, по Гете, учит тому, что идеальные ценности жизни не должны находиться за пределами самой жизни. Другими словами, истина в современной философии опосредована категориями искусства. Способ совре-

менного философствования можно метафизически описать через анализ Мерло-Понти живописи П. Сезанна: «отыскивать реальность, не покидая ощущения, не принимая никакого другого руководителя, кроме природы в непосредственном впечатлении, не обводя контуры, не обрамляя цвет рисунком, не komponуя ни перспективу, ни картину... Он просто пытался соединить природу и искусство»³. Искусство вообще и трагическое в частности, традиционно выступало как отражение действительности вообще и противоречий действительности в частности. Если предположить, что драматическое имманентно присуще социальной реальности, то социальное будет выражением трагического или мелодраматического, вкладывая в отраженную теми или иными средствами реальность определенный смысл и значение, имеющие конкретный общественно-исторический характер. Драматическое необходимо рассматривать не только как форму отражения объективной действительности, но и как то, что может существовать наряду со всеми другими вещами само по себе и быть формой познания подобно тому, как итальянское кино (неореализм) стремится тесно сблизить два понятия – жизнь и зрелище, – чтобы первое поглотило второе. Можно сказать, что это всегда было стремлением искусства, но итальянский неореализм немного больше, чем искусство. Его стремление видеть вещи такими, какие они есть, ощуща-

³ Мерло-Понти М. В защиту философии. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1996, 248 с., С. 150.

ется с такой силой и решительностью, что может даже достигать жестокости, и это имеет значение вне искусства и еще более, чем искусство.

Жизнь носит в себе зачатки драматической культуры, определяющим критерием и сущностным отличием которой является противоречие. Ницше сказал, что «драматическая культура и есть культура». Противоречие как ключевое понятие драматической культуры различными философами определялось по-разному, таким образом обозначились различные сферы возникновения и разрешения противоречий. Для философского осмысления драматического необходим диалектический принцип, благодаря которому все противоположности основываются только на перевесе чего-нибудь одного и никогда на полном изъятии того, что ему противоположно. Драматическое, как таковое, вытекает из самих основ человеческого бытия, оно заложено в основании нашей жизни. Сам факт человеческого бытия, рождение человека и данная ему жизнь, его отдельное существование, оторванность от всего, отъединенность и одиночество во Вселенной, «заброшенность из мира неведомого в мир ведомый»⁴ и постоянно отсюда проистекающая его отданность этим двум мирам – определяет основное трагическое противоречие. Драматическое заключается в роковом столкновении человеческой воли с препятствиями извне (мелодрама-

⁴ Выготский Л. С. Педагогическая психология / Под. ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика-Пресс, 1996, 536 с. – (Психология: Классические труды), С. 134.

тическое) или изнутри (трагическое).

Еще со времен Аристотеля классическим трагическим противоречием считается противоречие между *свободой* и *необходимостью*, где свобода в ее собственной сфере оспаривается необходимостью. Человеку чаще всего остается склониться перед необходимостью. Человеческая ситуация приравнивается при этом к естественному процессу, а человек – к вещи. Наделенный сознанием и волей, он должен превратить себя в некоторого рода вещь, в объект воздействия других вещей. Это естественно-природная необходимость. Необходимость действовать согласно «разумным», «высшим», «вечным» законам, например, нравственности, должна совпадать с роковой естественной необходимостью, несмотря на их противоположность. Человек, конечно, нуждается в мире вне себя, который становился бы то побуждением, то элементом, то органом его деятельности; однако его враг – противостоящая ему природа – пустил свои корни в самом средоточии его существа. Природа человека представляет собой смешение его частной самости и чужеродной сущности. Греческая культура, будучи колыбелью современной трагедии, носила в себе принцип единства противоположностей в нераздельном тождестве: ей было имманентно присуще трагическое. Исходя из античной трагедии, Шеллинг видит сущность трагедии в действительной борьбе *свободы* в *субъекте* и необходимости объективного: «эта борьба завершается не тем, что та или иная сторона оказывается

побежденной, но тем, что обе одновременно представляют-ся и победившими и побежденными – в современной неразличимости»⁵.

С возникновением нового миропонимания новоевропейского человека в философском дискурсе появляется проблема переопределения сущности *свободы*. Так, Гегель в «Эстетике» говорит, что отличие античной трагедии от трагедии Нового Времени заключается в том, что последняя основана на субъективном принципе. Через Декарта и после Декарта человек входит в роль подлинного и единственного субъекта. Теперь быть свободным, как указывает М. Хайдеггер, означает, что «на место достоверности спасения как мерила всякой истины человек ставит такую достоверность, в силу которой и внутри которой он сам удостоверяется в себе как сущем, опирающемся таким путем на самого себя»⁶. Свобода всегда притязает на некое необходимое, но «новая» *свобода* притязает на него так, что человек сам от себя каждый раз полагает это Необходимое и обязывающее. «Новая Свобода есть – в метафизическом видении – приоткрытие всего диапазона того, что впредь человек сам сознательно сможет и будет себе полагать в качестве необхо-

⁵ Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Сочинения в 2-х т., Т. 1. – М., 1987, 495 с., С. 83.

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. – М.: Республика, 1993, 447 с. – (Мыслители XX века), С. 118.

димого и обязывающего»⁷. Отсюда вытекает «новое» трагическое противоречие современности. Субъективности субъекта и человеку как субъекту свойственно бесконечное раздвигание сферы потенциального опредмечивания и имеется право вынесения решения о нем. Субъективность набирает силу не только в том случае, когда говорится о сознании Я, но и сознании Мы как субъекте. «В планетарном империализме технически организованного человека человеческий субъективизм достигает наивысшего заострения, откуда он опустится на плоскость организованного единообразия и будет устраиваться на нем. Это единообразие станет надежнейшим инструментом полного, а именно технического господства над Землей»⁸. Новоевропейская свобода субъективности совершенно растворится в соразмерной ей объективности. Но человек не может сам уйти от судьбы своего новоевропейского существа или прервать ее волевым решением. Это трагическое противоречие, которое в отечественной литературе описывалось, например, как трагизм французского экзистенциализма, постепенно перерастает в мелодраматическое противоречие. Трагизм французского экзистенциализма представляется как тщетность усилия человека быть «в себе». Трагическое растворяется в чистом субъективизме, лишается объективного знания, героем трагедии становится индивид в абсурде. Подобный вывод для интерпретации со-

⁷ Там же. С. 129.

⁸ Там же. С. 131.

временной действительности является недостаточным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.